

Кисиленко Анастасия Владимировна**Kisilenko Anastasiya Vladimirovna**

старший преподаватель
Белгородского государственного национального
исследовательского университета

Senior Lecturer,
Belgorod State National Research University

СОЦИАЛЬНАЯ РИСКОВЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА [1]

THE SOCIAL RISKS OF THE RUSSIAN REGIONS: THE CASE OF AN EMPIRICAL ANALYSIS [1]

Аннотация:

В статье на основе анализа эмпирических данных рассматривается проблема рискогенности современной среды обитания человека, которая находит отражение как в общественном сознании, так и в формах поведения населения. В целях изучения зависимости социальной напряженности в регионах страны от экологической, техногенной и социокультурной ситуации анализируются материалы массового опроса граждан. Производится оценка состояния среды обитания как условия возникновения социальных рисков. В качестве показателей оценки используются диагностические параметры, связанные с качеством жизни населения, миграцией, социальной атмосферой и социальной неопределенностью. Результаты исследования позволяют определить тенденции снижения или повышения угроз в природно-экологической, техногенной и социокультурной подсистемах среды обитания человека, которые рассматриваются как факторы возникновения социальных рисков. С точки зрения самооценки респондентов определяются качество здоровья населения, возможности приобретения товаров и услуг, удовлетворенность жизнью, состоянием системы гражданской безопасности, готовность к протестным действиям, миграционный потенциал, социальная атмосфера, преобладающие в массовом сознании чувства. В заключение подводятся итоги, определяются риски, вызывающие наибольшие опасения россиян, среди них риски бедности, ухудшения здоровья и потери гражданской безопасности.

Ключевые слова:

риск, среда обитания, социальный риск, качество жизни, социальная напряженность, социальная неопределенность, миграция.

Summary:

Based on the empirical data, the research discusses the problem of risk generation of the modern environment which is reflected in both public consciousness and behavior of the population. To study the dependence of social tension in the regions on the ecological, technological, social and cultural situation, the results of mass population survey are analyzed. The state of the environment is evaluated as the social risk condition. The evaluation indicators include the diagnostic characteristics related to the quality of life, migration, social climate, and social uncertainty of the citizens. The research results allow one to determine the trends in reducing or increasing threats to the natural, ecological, technological, social and cultural subsystems of the human environment which are considered as factors of social risks. In terms of self-assessment by respondents, the study identifies the health status of the population, the possibility of acquiring goods and services, satisfaction with life and civil security, readiness to protest, migratory potential, social climate, feelings prevailing in the collective consciousness. In conclusion, the author reveals the major concerns of the Russians, including the risks of poverty, ill health and loss of civil security.

Keywords:

risk, environment, social risk, quality of life, social tension, social uncertainty, migration.

Введение. Трансформация современной среды обитания человека провоцирует формирование неконтролируемого рискогенного поля, которое неоднозначно влияет на элементы общественного сознания и поведенческие практики населения, и в связи с этим представляет особый исследовательский интерес для социолога как предмет эмпирического анализа. Возникающие опасности и угрозы предопределяют отношение человека к природе, технике и культуре как подсистемам, потенциально аккумулирующим социальные риски. Риск как продукт взаимодействия человека и среды вынуждает искать приемлемые и вместе с тем продуктивные модели поведения и противодействия. В данных условиях активизируются практики спонтанной самоорганизации, связанные с «попытками уяснить свое место в обществе некалькулируемого риска» [2, с. 111].

Сегодня рискологическая парадигма рассматривается как одна из методологических альтернатив исследования российской реальности, которая активно разрабатывается как отечественными авторами, так и зарубежными. О рискогенном факторе развития общества говорят У. Бек, Э. Гидденс, Д. Денни, М. Дуглас, С. Линг, Н. Луман [3] и др. Отечественная социология риска представлена работами А.П. Альгина, В.И. Зубкова, Ю.А. Зубок, С.А. Кравченко, С.А. Красикова, О.Н. Яницкого [4] и др. Следует отметить многолетнюю исследовательскую работу ученых сектора проблем риска и катастроф Института социологии РАН [5].

Цель исследования. В 2015 г. в рамках реализации проекта № 14-38-00047 РФ «Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека» в целях изучения зависимости социальной напряженности в регионах от экологической, техногенной и социокультурной ситуации научным коллективом под руководством профессора Ю.А. Зубок проведена серия массовых опросов жителей России (N = 3 400). На основе эмпирической верификации разрабатывалась диагностическая модель социальной безопасности, осуществлялась оценка состояния среды обитания как пространства продуцирования социальных рисков [6].

Материалы и методы. Опрос осуществлялся по репрезентативной выборке среди лиц старше 18 лет по месту жительства респондентов. В число субъектов, в которых реализовывалась выборка, вошли Республики Адыгея и Карачаево-Черкесия, Амурская, Брянская, Кировская, Костромская, Нижегородская, Саратовская, Тверская области и Краснодарский край.

Результаты. В качестве показателей оценки рискогенности использованы диагностические параметры, связанные с основными социальными рисками, к числу которых мы относим снижение качества жизни, рост социальной напряженности, неопределенности и вынужденной миграции.

Социальный риск снижения качества жизни населения. Традиционно категория качества жизни используется в социологии для характеристики уровня жизни, особенностей повседневной жизнедеятельности и духовного благосостояния людей в их единстве и стабильности проявления. С точки зрения реализации данного риска интерес представляли такие показатели, как самооценка состояния здоровья, гражданской безопасности, уровня материального обеспечения, возможности приобретения товаров и услуг.

Состояние своего здоровья оценивают как хорошее лишь 29,7 % респондентов. Половина жителей России (58,7 %) считают его удовлетворительным, а 11,6 % – плохим или очень плохим, при этом возрастные различия в ответах слабо дифференцированы. Аналогичную картину фиксирует национальный мониторинг здоровья населения: «Хорошим состоянием здоровья сегодня может похвастаться каждый третий россиянин (35 %), каждый второй считает свое здоровье удовлетворительным (49), а негативные оценки своего самочувствия дают 15 % опрошенных» [7].

Уровень гражданской безопасности в значительной степени влияет на здоровье и жизнедеятельность человека. Более трети респондентов отмечают, что не вполне удовлетворены ее состоянием. При этом почти треть опрошенных обозначают общую тенденцию увеличения угроз во всех подсистемах среды обитания человека. Особенно актуальной эта проблема представляется с точки зрения природно-экологического локуса. Данные исследования ВЦИОМ подтверждают, что россиян все больше начинают тревожить страхи природных катаклизмов: 43 % респондентов положительно оценивают вероятность возникновения стихийных бедствий; из них 12 % полностью уверены, что чрезвычайная ситуация случится (или уже случилась); 14 % думают, что случится; 17 % – скорее случится [8].

По оценкам опрошенных, чаще всего в регионах России возникают следующие чрезвычайные ситуации: 1) природно-экологического характера – опасные метеорологические явления (61,3 %), природные пожары (52,4), загрязнение природных объектов по вине человека (39,6) и гидрологические явления (38,5); 2) техногенного характера – аварии на транспорте (74,7), коммунальных системах жизнеобеспечения (43,1), пожары и взрывы (52,8); 3) социокультурного характера – разрушения нравственных ценностей и моральных норм среди населения (51,1), угроза изменений или утраты элементов культуры (46,3), исторической памяти у разных групп (36,8 %).

Лично на себе испытывали последствия чрезвычайных ситуаций природного характера 19,3 % респондентов, техногенного – 12,5, социокультурного – 10,5 %. Большинство пострадавших при этом не понесли ни серьезного материального ущерба (64,0 %), ни ущерба для здоровья, что намного важнее (69,7 %). Однако действиями институциональных структур (организацией спасательных работ, медицинским обслуживанием, информированием населения) в случае возникновения чрезвычайных ситуаций оказались полностью удовлетворены не больше четверти опрошиваемых.

Обобщая опыт ближайшего окружения (родственников, друзей, знакомых, соседей, сослуживцев), респонденты отметили общую тенденцию снижения как уровня (48,3 %), так и качества (43,5 %) жизни населения. Об ухудшении собственного материального положения заявляют 47,7 % опрошенных. С точки зрения самоидентификации по уровню жизни большинство участников исследования относят себя к группам с удовлетворительным и плохим уровнем материальной обеспеченности. Катастрофическим выглядит показатель в 15 %, характеризующий долю российских граждан, живущих за чертой бедности. В целом уровень удовлетворенности россиян материальным благосостоянием по 7-балльной шкале составляет 3,3 балла.

Социальный риск возрастания социальной напряженности. Состояние социальной напряженности в социологии рассматривают, как правило, в контексте изучения ключевых проблем классической социологической теории, а именно согласия и конфликта, поскольку под воздействием социальной напряженности конфликтная ситуация может трансформироваться в открытый соци-

альный конфликт. Под социальной напряженностью при этом понимают «особое состояние общественного сознания и поведения, специфическую ситуацию восприятия и оценки действительности» [9, с. 124]. Как отмечает Д.Л. Галиуллин, «она возникает в обществе двояким образом. Во-первых, если большинство людей вначале смутно ощущает, а затем по мере развития событий осознает, что удовлетворение их каких-либо жизненно важных потребностей, интересов и прав находится под угрозой или даже становится невозможным. Во-вторых, когда какая-то, первоначально небольшая, часть людей не может удовлетворить свои потребности и реализовать свои интересы в существующих в обществе условиях и поэтому, независимо от того, по каким причинам и чем конкретно была вызвана такая ситуация, вступает в борьбу против действительных и мнимых препятствий или надуманного ущемления своих прав, распространяя в обществе настроения недовольности, страха, пессимизма» [10, с. 124–125].

Учитывая, что напряжение выступает в качестве одного из индикаторов социального кризиса и, как правило, вызвано длительно продолжающимся давлением на человека со стороны природной и социальной среды его обитания, в ходе массового опроса респонденты оценивали не только общую атмосферу в регионах, но социально-психологические и поведенческие проявления, связанные с напряженностью. Большинство опрошенных сочли социальную атмосферу в своем регионе спокойной (54,4 %), почти каждый третий определил ее как напряженную, а 4,1 % – и вовсе как взрывоопасную. При этом в случае возникновения социального напряжения в месте проживания 63,3 % респондентов отметили, что предпочтут любой ценой сохранить порядок, мир и согласие. К активным протестным действиям готовы 11,2 % участников исследования, затруднились с ответом 25,5 %. Несмотря на то что одним из традиционных носителей протестной активности является молодежь, утверждение о большей предрасположенности данной социально-демографической группы к протестным формам участия не нашло эмпирического подтверждения и выступает, скорее, стереотипом. С точки зрения возрастной дифференциации активно протестовать в группе 18–24-летних готовы 13,2 %, 25–29 – 13,1, 30–39 – 11,3, 40–49 – 11,4, 50–59 – 12,2, в возрасте от 60 лет и старше – 8,1 %.

Наиболее эффективными и допустимыми с точки зрения личного участия респонденты считают институциональные формы гражданской активности, а именно – сбор подписей под коллективными прошениями (32,4 %), разрешенные публичные мероприятия (22,2 %). Нелегальные формы протестной борьбы, насильственные, силовые способы решения социальных противоречий сравнительно редки: возможность участия в стихийно возникающих вооруженных формированиях отметили 0,7 % опрошенных, в захвате зданий государственных учреждений и перекрытии путей сообщения – 1,1 %. В целом стоит отметить, что у российских граждан наблюдается недоверие к формам протестной активности и эффективности их реализации для защиты своих прав, о чем заявил каждый третий.

К проявлениям социальной напряженности в обществе можно отнести и снижение уровня социального доверия как фактора, который, по мнению А.Д. Шопенко, способствует минимизации риска [11, с. 310]. На вопрос: «Согласны ли Вы с суждением, что никому нельзя доверять, ни в ком нельзя быть уверенным» – 59 % респондентов дали положительный ответ, что демонстрирует обобщенное недоверие к окружающим.

Картина относительно институционального доверия выглядит довольно поляризованной. Мы наблюдаем, с одной стороны, отчуждение между населением и местной властью как выразителем интересов локального сообщества, с другой – отчетливо выраженное положительное отношение граждан к высшим должностным лицам страны. Данные опроса показали, что в регионах России их руководителям полностью доверяют и скорее доверяют 35,3 %; скорее и совсем не доверяют – 31,1; местным органам власти – 27,1 и 39,5; президенту страны – 75,9 и 7,8; председателю Правительства РФ – 55,2 и 18,1 % соответственно. Примечательно, что относительно низким доверием в обществе пользуются средства массовой информации, в меньшей степени это касается телевидения, радио и газет, в большей – сети Интернет. Так, полностью и скорее ей доверяют 28,6 % респондентов, скорее и совсем не доверяют – 31,1 %. Это подтверждают данные исследования ВЦИОМ, согласно которому «почти половина россиян считает, что информацию в Интернете следует подвергать цензуре» [12].

Социальный риск возрастания вынужденной миграции. На поведенческом уровне социальная напряженность проявляется не только в тех или иных формах протестного поведения, но и в вынужденной миграции населения. Диагностическими параметрами оценки миграционных процессов выступали миграционный потенциал населения и вектор миграционных потоков. Под миграционным потенциалом понимается «максимально возможная на данный момент численность потенциальных мигрантов, которые могут выехать из страны проживания при условии сохранения значимости и структуры выталкивающих и привлекающих факторов» [13]. Несмотря на то что потенциальная миграция представляет собой еще не реальный миграционный процесс,

она говорит о наличии намерений, установок на перемещение. В свою очередь вектор миграционных потоков демонстрирует их возможную направленность и позволяет выделять миграционно привлекательные, «желательные» для проживания человека регионы и населенные пункты.

На вопрос: «Хотели бы Вы уехать из населенного пункта, где живете?» – большинство респондентов дали отрицательный ответ (71,1 %), возможности переезда для себя рассматривают 19,9 % опрошенных, 9,0 % не определились. В случае переезда 41,8 % планируют уехать в другой регион России, 25,2 еще не определились с местом, 17,4 хотят эмигрировать из страны и 15,7 % собираются осуществлять пространственные перемещения в границах одного региона. Следует отметить, что отсутствие эффективной политики в области регулирования миграционных движений внутри государства может привести к ничуть не меньшим проблемам, чем в случае неконтролируемого развития процессов эмиграции и иммиграции населения. Речь идет о территориальных диспропорциях в концентрации трудовых ресурсов, усилении напряженности на локальных рынках труда, давлении на социальную инфраструктуру.

Социальный риск возрастания социальной неопределенности. Отражение неопределенности в сознании индивидов также влияет на формирование и функционирование рисковенных сред. Реакция индивида на неопределенность как «состояние социальной реальности, связанное с субъективным восприятием разрушенных или разрушаемых стабильных социальных структур» [14, с. 84] на социально-психологическом уровне проявляется через ощущение растерянности, тревожности, а в худшем варианте – безразличия, страха и отчаяния. Перечисленные чувства в разной степени отражают настроение и эмоциональное состояние россиян. Преобладающим в массовом сознании является чувство надежды (4,4 балла). В остальном для социальных субъектов характерны средние проявления тревоги и возмущения, незначительные – безразличия, отчаяния и растерянности (среднее значение не превышает 3 балла). По данным исследования абсолютное большинство респондентов (75 %) согласны с суждением, что «сейчас все так неустойчиво и может произойти все что угодно». Свою настоящую жизнь респонденты оценивают в 3,3 балла по 7-балльной шкале, где 1 соответствует стабильности и безопасности, а 7 – неопределенности и риску.

Заключение. Среди разных ситуаций, с которыми в реальной действительности сталкиваются социальные субъекты, особое место в условиях усложняющейся нелинейной социокультурной динамики общества занимают рисковенные ситуации, т. е. такие, которые «генетически» содержат в себе риск и рефлексированы социумом в контексте определенной проблемы и связанных с нею локализованных негативных ожиданий. Среди важнейших рисков социетального характера, угрожающих общественной стабильности и гражданской безопасности, исследовательский интерес представляли снижение качества жизни, усиление социальной напряженности и неопределенности, вынужденные миграции населения. Параметрическая модель социальной рисковенности в контексте эмпирического исследования включала ряд показателей, подлежащих оценке россиянами.

Результаты анализа социальных рисков и угроз в массовом сознании позволяют сделать вывод о крайне непростой и тревожной ситуации, складывающейся в сфере здравоохранения, половина респондентов заявляют о проблеме со здоровьем и оценивают его состояние как удовлетворительное. Не меньшую угрозу россияне чувствуют относительно благосостояния, отмечая обнищание широких масс населения и общее снижение качества и уровня жизни в стране. Представления значительной части граждан российских регионов о доминировании тенденции обострения рисков во всех подсистемах среды обитания человека и определенная неудовлетворенность действиями институциональных структур в чрезвычайных ситуациях могут быть связаны с потерей гражданской безопасности в ближайшей временной перспективе. При этом негативные последствия рисков атрибутированы ощущением тревоги за настоящее, способной перерасти в условиях неопределенности и неконтролируемых средовых трансформаций в опасность социального риска в будущем.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2017 г., проект № 28.7195.2017/БЧ «Риски и тренды самосохранительного поведения населения центральных регионов Российской Федерации».
2. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 111–112.
3. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. L., 1992; Denney D. Risk and Society. L., 2005; Douglas M. Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. L., 1992; Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991. P. 109–143; Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. Berlin, 1993; Lyng S. Edgework and the Risk-taking Experience // Edgework: The Sociology of Risk-Taking. N. Y. ; L., 2005. P. 3–14.
4. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989; Зубков В.И. Социологическая теория риска. М., 2003; Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М., 2003; Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска. Полипарадигмальный подход. М., 2004; Яницкий О.Н. Социология риска. М., 2003.
5. Гаврилов К.А. О конструировании понятия «риск» в социологии // Социология: 4М. 2007. № 24. С. 60–80; Мозговая А.В. Методологический потенциал концепции ответственности в социологическом обеспечении управления технологическими рисками // Научный результат. Социология и управление. 2015. Т. 1, № 4 (6). С. 67–72; Мозговая А.В.,

- Шлыкова Е.В. «Социальная приемлемость риска» как социологическая категория // Социология: 4М. 2010. № 31. С. 30–45.
6. Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления : монография / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, И.С. Шаповалова и др. Белгород, 2016.
 7. Национальный мониторинг здоровья россиян [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116194> (дата обращения: 06.12.2017).
 8. Страхи и опасения россиян [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115690> (дата обращения: 06.12.2017).
 9. Галиуллин Д.Л. Социологическое измерение региональной экономической безопасности : дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2006.
 10. Там же. С. 124–125.
 11. Шопенко А.Д. Концептуальные основания социальной рискологии транзитивного общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 307–313.
 12. Опрос: половина россиян выступает за введение цензуры в интернете [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2160136> (дата обращения: 06.12.2017).
 13. Мукомель В.И. Миграционный потенциал и перспективы иммиграции соотечественников из государств СНГ и Балтии // Этнология. 2001. № 3. С. 47–59.
 14. Осмук Л.А. Социальная неопределенность и метаморфозы современного общества // Идеи и идеалы. 2010. № 4 (6), т. 1. С. 84–91.

References:

- Algin, AP 1989, *Risk and its role in public life*, Moscow, (in Russian).
- Babintsev, VP & Reutov, EV 2010, 'Self-organization and "atomization" of young people as the current forms of social and cultural reflection', *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 1, pp. 111-112, (in Russian).
- Beck, U 1992, *Risk Society: Towards a New Modernity*, London.
- Denney, D 2005, *Risk and Society*, London.
- Douglas, M 1992, *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*, London. <https://doi.org/10.4324/9780203430866>.
- Galiullin, DL 2006, *Sociological dimension of regional economic security*, PhD thesis, Khabarovsk, (in Russian).
- Gavrilov, KA 2007, 'The construction of the concept of risk in sociology', *Sotsiologiya: 4M*, no. 24, pp. 60-80, (in Russian).
- Giddens, A 1991, *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Cambridge, pp. 109–143
- Kravchenko, SA & Krasikov, SA 2004, *Sociology of risk. The polyparadigmatic approach*, Moscow, (in Russian).
- Luhmann, N 1993, *Risk: A Sociological Theory*, Berlin.
- Lyng, S 2005, 'Edgework and the Risk-taking Experience', *Edgework: The Sociology of Risk-Taking*, New York, London, pp. 3–14.
- Mozgovaya, AV 2015, 'Methodological capacity of the concept of responsibility in the sociological management of technological risks', *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye*, vol. 1, no. 4 (6), pp. 67-72, (in Russian).
- Mozgovaya, AV & Shlykova, EV 2010, 'Social acceptability of risk as a sociological category', *Sotsiologiya: 4 M*, no. 31, pp. 30-45, (in Russian).
- Mukomel, VI 2001, 'Migration capacity and immigration prospects of compatriots from the CIS and Baltic states', *Etnologiya*, no. 3, pp. 47-59, (in Russian).
- Osmuk, LA 2010, 'Social uncertainty and metamorphosis of modern society', *Idei i idealy*, no. 4 (6), vol. 1, pp. 84-91, (in Russian).
- Shopenko, AD 2010, 'Conceptual foundations of social risk science in a transitive society', *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 120, pp. 307-313, (in Russian).
- Yanitsky, ON 2003, *Sociology of risk*, Moscow, (in Russian).
- Zubok, VI 2003, *Sociological theory of risk*, Moscow, (in Russian).
- Zubok, YuA 2003, *The problem of risk in the sociology of youth*, Moscow, (in Russian).
- Zubok, YuA, Chuprov, VI & Shapovalova, IS (et al.) 2016, *Risks of a transforming habitat: the research and management problems*, monograph, Belgorod, (in Russian).